Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

«Бич Божий» Евгения Замятина, или Война миров в V веке

23.06.2021.

Эжен Делакруа. «Атилла и его орды вторгаются в Италию», 1838-1847 гг. (фрагмент) Бурбонский дворец, Париж

Пишущий эти заметки не собирается превращать их в научную работу, загружать датами и цитатами. Но он историк литературы, и его интересует, в какой обстановке рождается литературное произведение, как оно живет во времени, как время живет в нем. Поэтому кое-какие даты и цитаты здесь все же появятся, речь пойдет о том, как связан роман с контекстом эпохи. Сказано это будет бегло, с неизбежными пропусками и упрощениями.

В Советском Союзе творчество Замятина замалчивалось долгие годы. Написанный в 1920-1921 годах роман «Мы», ранний и точный анализ тоталитарного социализма, находился под запретом более полувека. Теперь Замятин признан классиком, его преподают в школах. Мне как-то задали вопрос: почему на Западе все знают

Оруэлла, а мало кто – Замятина? Вопрос не вполне оправдан. Да, Оруэлл известен больше, на то он и западный писатель. Сам же он не только читал «Мы», но и хлопотал об издании других произведений русского автора. По его мнению, Замятин нащупал в идеях о лучшем будущем иррациональное зло, и это ставит «Мы» выше «Дивного нового мира» Хаксли, нацеленного только против гипертрофии разума. Урсула Ле Гуин, авторитет в научной фантастике, считает «Мы» лучшей книгой из всех созданных в этом жанре. Роман регулярно включается в западные списки шедевров фантастико-утопической литературы. Предисловие к его французскому изданию 1971 года написал знаменитый тогда писатель Хорхе Семпрун. Так что жаловаться на невнимание не стоит.

Независимо от «Мы» важное место в важный момент развития русской литературы Замятину обеспечила его короткая проза, рассказы и повести. Он начал писать до Первой мировой войны и получил известность сразу после нее, когда авангард доламывал каноны в искусстве, а революция ставила на дыбы весь мир. Как заметил известный французский критик, переводчик и специалист по славянской литературе Жак Катто, замятинский стиль явился «средоточием литературных потенций целой эпохи».

Евгений Замятин, ок. 1929 г.

Замятин и вправду добивался синтеза между реализмом и символизмом, между авангардной радикальностью и традицией; в статьях он называл эту программу «неореализмом», потом «синтетизмом», находил разные ее черты у Алексея Ремизова, Федора Сологуба, Александра Блока, Андрея Белого и реализовал в своем творчестве. Он был одним из учителей молодого поколения писателей, читал лекции о прозе в студии Дома искусств. Его слушатели образовали в 1921 году группу «Серапионовы братья», члены которой – Всеволод Иванов, Михаил Зощенко, Константин Федин, Вениамин Каверин и другие – вскоре стали играть главные роли на литературной сцене.

В революцию 1905 года Замятин связался было с большевиками, но скоро отошел от них, сохраняя левые взгляды, близкие тогдашним народникам (социалистам-революционерам). Во время Первой мировой войны он был послан как инженер-кораблестроитель в Англию, где провел около двух лет, работая над постройкой ледоколов для России. Там он узнал о свержении царя и вернулся в Петроград как раз к моменту большевистского переворота. Власть большевиков его отталкивала; его «сказочки о Фите» конца 1917 года – первая литературная сатира на Ленина. Но ему, как и другим участникам неформального течения «Скифов» – Блоку, автору знаменитого стихотворения под этим названием, Белому, Есенину, лидеру «скифства» философу Иванову-Разумнику, революция представлялась началом новой эпохи в истории человечества. Замятин был среди «скифов» наименьшим мистиком, но считал революцию необходимой и, как поначалу многие, хранил надежду на то, что творческая часть общества сможет повлиять на ход событий.

Обложка первого полного издания романа «Мы» на русском языке (Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1952 год)

Он вступил в ряды самых заметных деятелей культуры послереволюционных лет. Не забывая о своей писательской работе, он занимался публицистикой, критикой,

издательским делом. Максим Горький устраивал тогда колоссальные по размаху культурные мероприятия; Замятин называл их «Вавилонскими башнями», но активно в них участвовал. Вошел он и в «комиссию по историческим картинам», возникшую в 1919 году. Требовалась «ни больше ни меньше, как театрализация всех главнейших событий мировой истории», – для приобщения всех, всего народа к истории, культуре, знанию.

На одном из заседаний Горький предложил тему гуннов. Она привлекла Замятина. В 1924-1925 годах он сообщает в письмах, что взялся за роман об Аттиле. Черновики романа он использовал для создания – по классическому образцу – трагедии «Атилла», большая часть которой написана стихами. Пьеса в 1927 году была включена в план ленинградского Большого драматического театра, весной 1928 года начались репетиции, но в конце концов она была запрещена и на сцену не допущена. Это было ударом для Замятина. Его печатали все меньше, особенно после кампании 1929 года, когда его, Бориса Пильняка и Илью Эренбурга обвинили в публикации книг на Западе. Из Замятина сделали «черта советской литературы», на которого все должны были плевать, – так он написал в письме Сталину летом 1931 года, добиваясь разрешения уехать заграницу. Он выехал во Францию, прожил там всего пять лет, хлопотал о переводах своих вещей, сочинял новые и до самой смерти (10 марта 1937 года, ему было всего 53 года) писал роман о гуннах, закончить который ему так и не было суждено.

Рукопись «Бича Божьего» хранится в Бахметьевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке, втором крупнейшем хранилище материалов русской эмиграции за пределами России. Перед вами – рукопись плана романа. (Columbia University, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, Evgenii Zamiatin Papers, Box 1.

Если считать с 1919 года, то в работе над темой гуннов Замятин провел почти двадцать лет. Изучая ее, он прочитал десятки книг на разных языках, обдумал множество вариантов сюжета, во Франции написал даже киносценарий. Роман проводит параллель между катастрофой, вызванной вторжением диких гуннов в цивилизованный римский мир, и тем потрясением, которое переживала Россия после революции. Из заметок Замятина видно, что он сознательно писал зачин романа так, чтобы нельзя было сразу понять, когда, в какую эпоху происходит действие. Он старался вложить в роман весь свой опыт – как писателя, так и свидетеля эпохи, все свое понимание жизни, культуры и истории. Мне кажется, он не дописал роман именно поэтому: необычайно масштабный замысел требовал больше сил и времени, чем было в распоряжении писателя, которому во Франции приходилось вечно охотиться за заработком. И вместе с тем, благодаря масштабности, богатству замысла и «синтетической» манере письма Замятина, строящейся на повторах, образах-лейтмотивах, многослойной символике повествования, то, что является частью предполагаемого романа, производит впечатление единства, работает как целое. Таков художественный парадокс «Бича Божьего».

Мы подошли к роману. Не буду его пересказывать и разбирать. Надо его читать. Достаточно сказать, что Замятин собрал в нем, как в фокусе, все темы и образы своего творчества. Здесь набросаю лишь проблематику, поставив самые простые вопросы, которые возникают при первом чтении и при сравнении русского и французского вариантов.

«Горбун посмотрел на Атиллу теплыми, как шерсть, глазами.
“Здесь нужно лгать, мальчик”, –
сказал он. “Что это – лгать?” – спросил Атилла».

Начнем с начала: почему читатель Замятина мог смешивать открывающие роман события рубежа IV-V веков с современными?

Параллель строится на том, что до революции 1917 года рубеж XIX-XX веков был отмечен рядом бедствий и предзнаменований: извержения вулканов Кракатау и Мон-Пеле, землетрясения в Сан-Франциско и Мессине, крушение «Титаника». Распространялись оккультные учения о смене космических эонов, историософские концепции старения культур наподобие теории Шпенглера о закате Запада. Все твердило: обжитый мир умирает. Даже наука, открыв второй закон термодинамики, предвидела далекую победу мировой энтропии, тепловую смерть Вселенной. Апокалипсические настроения поддерживались политическим пробуждением Азии, «боксерским» восстанием в Китае, клише о «желтой опасности», катастрофой русско-японской войны, как бы предсказанной словами В. Соловьева о грядущем панмонголизме.

Тема Аттилы, пришедшего разрушить старый мир, не только отвечала настроению, она готовила его, проходя сквозь XIX век, начиная с «романтической трагедии» Захарии Вернера, которая послужила основой либретто оперы «Аттила» Дж. Верди (как у Вернера, героиню трагедии Замятина зовут Ильдегондой), и кончая трудами Амедея Тьерри и историческими романами Феликса Дана, а в России – Ивана Кондратьева. (В скобках: нынешняя атмосфера кое в чем напоминает ту, что царила сто лет назад, – и снова по всей Европе во множестве выходят книги об Аттиле.)

Евгений Замятин. «Бич Божий», изд-во Noir sur Blanc, Лозанна, 1921 г.

Вернемся к началу XX века. Тема гуннов оформилась тогда и как часть мистических концепций, и как иллюстрация учений о циклах в истории, когда молодой, здоровый мир идет на смену старому, дряхлому, больному. Функцию старого мира в этот момент выполнял, конечно, Запад: так решается тема и в «Биче Божьем». У Замятина на схему борьбы миров наслаивается термодинамика и образ вселенской борьбы энтропии и энергии. Планеты-миры умирают, но во взрывах звезд рождаются новые: так совершаются космические и социальные революции. Таково замятинское понимание исторического процесса, об этом он писал в статьях, в «Мы», в «Рассказе о самом главном».

Перейдем к другому простому вопросу: почему в романе гунны всегда называются «хунами»? Так не принято писать по-русски и, конечно, это не может отразиться во французском тексте. Однако написание имеет смысл. Оно отсылает к спору о происхождении гуннов, который длится в России с 1830-х годов, с заявлений историка Юрия Венелина о том, что гунны – это древние славяне, а Аттила был «русским царем».

Казалось бы, вымысел, но он нашел поддержку у следующих поколений; писатель и археолог Александр Вельтман, историк Дмитрий Иловайский развивали эту идею, спор о ней шел еще в начале XX века, а если судить по количеству переизданий

содержащих ее книг, она сегодня возрождается. Упомянутый выше Иван Кондратьев популяризовал ее в романе «Гунны» (1878), новая, сокращенная версия которого вышла под названием «Бич Божий» (1896). Вряд ли можно сомневаться в том, что Замятин читал Кондратьева. Теорию гуннов-славян оспорили ученые, выводя их происхождение от тюркских племен Китая, их русское название «хунну» на Западе пишут Xiongnu. Книга К. Иностранцева «Хунну и гунны» (1900, второе издание – 1926) вызвала большой отклик, и ее Замятин тоже не мог не знать. Именно сюда, к «хунну», отсылают, на мой взгляд, и замятинские «хуны». Написание указывает на отказ от славянской теории.

«К двери был прибит большой белый лист, это была только что вывешенная официальная газета. “Не все слышали, еще раз!” – закричали голоса. Человек с длинной, гусиной шеей начал читать снова. Никаких оснований для тревоги нет. Возле Орелиана крестьяне взбунтовались из-за налогов, но они окружены императорским войском. Завтра обычной выдачи хлеба не будет… Толпа глухо заворчала, но человек с гусиной шеей, читая, повысил голос: “Наш хлеб съедают иностранцы.
По приказу префекта все иностранцы, кроме медиков и учителей, будут высланы из Рима…”

Толпа зашевелилась, захлопала, закричала: “Правильно!”, “Вон их!”, “Они жрут наш хлеб!”. Молодой курчавый еврей, обвешанный медными кувшинами, нырнул в переулок, вся толпа с ревом бросилась за ним. Было слышно, как медные кувшины звякнули о камень.
На ступеньках возле газеты было теперь пусто.»

Вопрос не анекдотичен. Тема гуннов окрашивает весь Серебряный век и идет дальше, к евразийству. Она, однако, меняется по ходу событий. Дело в том, что во время войны немцы получили у союзников, особенно у англичан, прозвище «гуннов». Оно восходит к известной «гуннской речи» императора Вильгельма II: в 1900 году он призывал солдат, отправлявшихся усмирять «боксерское» восстание, уподобиться гуннам. Прозвище стало использоваться антинемецкой пропагандой; его применяли и в России: Федор Сологуб громил в стихах нового Аттилу, Игорь Северянин – «нео-гуннов». Таким образом, если до войны Валерий Брюсов мог встречать грядущих гуннов приветственным гимном, если Владимир Маяковский мог говорить «мне, грубому гунну», то война, смещая смыслы, мешает идентификации с «гуннами». Тогда на место гуннов встают скифы («Да, скифы мы» Блока). Любопытно, что у Замятина в «Атилле» герой – владыка Великой Скифии и гунны часто именуются скифами. В «Биче Божьем» слово «скиф» появляется только один раз, в эпизоде с Улдом, князем «хунов, которых многие называли также скифами». Не исключено, что Атилла, противостоя Улду, отбрасывает и идею «скифства».

Самый простой вопрос касается имени Атиллы. Замятин везде пользуется нетрадиционной орфографией. Интересно, что переводчик, стремясь сохранить принятое французское написание, пишет название реки Attil, с двумя «т», а не как надо – Atil, Атил (Итиль, Волга). После перехода реки рождается герой и от нее получает имя – не Аттила, а Атилла, с подчеркнуто необычным удвоением «л» вместо «т». Можно заметить, что переход Волги (выход из Азии) снова означает выбор тюркской концепции, отказ от той, что ведет к отождествлению русских и гуннов, иначе говоря, от той, на которой во многом стоит философия скифства. Об этом свидетельствует само имя. Форма «Атилла» достаточно часто встречается в тюркских языках (так же, как имя Волги «Атил»): это видно – легко проверить в

Интернете – в татарских, казахских, башкирских текстах, видно в именах писателей: Атилла Расих, Атилла Садыков, Атилла Гусеин-Заде.

Могила Евгения Замятина и его жены Людмилы на парижском кладбище в Тье (дивизион 21, линия 5, могила 36).

Однако есть еще одна причина выбора такого, а не иного написания, и этот выбор обусловлен поэтикой романа, манерой письма. Писатель отводил важную роль тому, что называл «инструментовкой», – звуковой организации текста. «Аттила» и «Атилла» произносятся по-разному, иначе подчеркиваются согласные и промежуточное «и». Более того, подобно Ломоносову, Хлебникову или Рембо, Замятин разработал свою, как говорят сейчас, фоносемантику:

«Р – ясно говорит мне о чем-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л – о чем-то бледном, голубом, холодном, плавном, легком. <…> Звуки Д и Т – о чем-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом, о вате. <…> С А – связывается широта, глубина, даль, океан, марево, размах. <…> С И – близкое, низкое, стискивающее <…>».

Надо ли подчеркивать отрицательное значение усиленного «т» в «Аттиле» и положительное – двойного «Л» в сочетании с двумя «А»? И все же имя героя неоднозначно. Неоднозначен Атилла замятинской трагедии. Что произойдет, когда мальчик-волк романа вырастет, станет бичом божьим?

Не будем углубляться в дебри толкований. Остановимся на этом.

Приведу в качестве заключения одну из самых последних записей в блокноте Замятина, сделанную в конце 1936 года. Запись ироническая, смешная, но одновременно и грустная. Еретику и скифу Замятину трудно оказалось прижиться на Западе: «О, Атилла! Когда же, наконец, вернешься ты, любезный филантроп, с четырьмя сотнями тысяч всадников и подожжешь эту прекрасную Францию, страну подметок и подтяжек!».

русская литература в Швейцарии
русская литература на французском языке
русская литература во французских переводах
Евгений Замятин

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/bich-bozhiy-evgeniya-zamyatina-ili-voyna-mirov-v-v-veke